

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Полежаевой Татьяны Владимировны

«Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Проблемы формирования и специфики политического консерватизма в России сегодня привлекают внимание исследователей в связи с потребностью в осмыслении не только минувшего периода радикальных перемен 1980–90-х годов и их последствий, но и исторических, цивилизационных корней тех проблем, которые в очередной раз встали перед страной. Автор диссертационной работы обратилась к творчеству А.С. Шишкова – одного из наиболее заметных идеологов среди тех представителей отечественной социально-политической мысли, кто выступал за возвращение к истокам, за сохранение самобытности. В диссертационном исследовании Татьяна Владимировна стремится выявить доминанты формирования и специфику его оригинальной утопии, что, без сомнения, представляет научный интерес, особенно в России, где попытки реализации утопий сопровождались столь трагическими издержками.

Диссертация состоит из введения, трех глав (10 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, приложения (всего 228 с.). Структура диссертации подчинена реализации заявленной цели – выявлению факторов, условий и результатов формирования религиозной составляющей консервативной утопии А.С. Шишкова, позволяя решить сформулированные во Введении задачи.

Введение содержит все элементы, необходимые для квалификационной работы. Татьяной Владимировной проанализирован обширный круг исследований в области истории, истории культуры, литературоведения, лингвистики и др., что обусловило возможность определения перспективного направления собственного исследования. В качестве его объекта автор рассматривает интеллектуальное наследие А.С. Шишкова, в качестве

предмета – его религиозную составляющую. Теоретическую значимость исследования автор видит в дополнении и расширении представлений о консерватизме, практическую – в возможности использования его выводов в курсах по истории консерватизма, отечественной исторической мысли, по истории русской культуры. Автором избрана оригинальная исследовательская модель, строящаяся на сочетании подходов, разработанных исследователями московско-тартусской школы по проблемам семиотики культуры, новой имперской истории, нарратологии, теории коммуникаций и др., что обусловило возможность достижения на основе новых, впервые вводимых в научный оборот источников, значимых научных результатов. В разделе, посвященном источникам проведенного автором исследования, выделены такие группы, как законодательные, делопроизводственные, источники личного происхождения и др. Можно спорить об основаниях и последовательности их выделения, но в целом источниковедческий обзор, как и список источников в конце работы, производит, безусловно, позитивное впечатление.

Первая глава диссертации, «Факторы архаизации мировоззрения дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв.», содержит три параграфа, в соответствии с числом выделяемых автором факторов архаизации. Первый параграф, «Внутриличностный конфликт: категории «порядка» и «полезности» в условиях политических трансформаций» (С. 40–50), рассматривает, по сути, социально-психологический контекст феномена архаизации мировоззрения представителей дворянства. Автор анализирует ситуацию изменения их статуса по итогам смены правителей в государстве Российском и падения значения «Табели о рангах». Во втором параграфе, «Великая Французская революция и переоценка идей Просвещения» (С. 50–64), архаизация связывается с впечатлением, произведенным на русское образованное общество и непосредственно на А.С. Шишкова событиями во Франции. В целом представленный Татьяной Владимировной анализ убедителен, хотя отдельные выводы, возможно, требуют если не корректировки, то обсуждения (например, можно ли считать отсутствие

упоминаний о событиях во Франции в частной переписке периода правления Павла I свидетельством отсутствия интереса к ним?). В третьем параграфе «Масонство и процессы архаизации мировоззрения дворянина» (С. 64–74), автор показывает вероятную роль чудесных спасений Шишкова в усилении его религиозности, созвучность его внутренней настроенности присущему масонам интересу к Священному писанию, связывает присущее ему морализаторство с популярными среди масонов идеями новой нравственности. Специфика отношения Шишкова к идеям просветителей, Ф. Вольтера и Ж.-Ж. Руссо, трактуется ею с точки зрения восприятия им антитезы «разум» – «сердце».

Во вводной части второй главы, «Историко-лингвистические представления раннего консерватизма: традиционная религиозность в составе консервативной утопии А.С. Шишкова» (С. 75–117), автором дано определение консервативной утопии как комплекса общественно-политических идей, основанных на традиционных ценностях. В этом определении консервативная утопия, по сути, приравнивается к консервативной идеологии, что отчасти объясняет использование автором термина «консервативная идеология» в качестве аналога терминов «консервативная утопия» и «консервативная концепция» при формулировании задач работы, но выводит анализируемые автором поведенческие аспекты деятельности А.С. Шишкова за пределы его консервативной утопии. В первом параграфе второй главы, «Христианская мораль и традиции в ранних произведениях А.С. Шишкова (С. 78–87), Татьяна Владимировна обращается к предыстории формирования утопии Шишкова, анализируя его ранние произведения, представляя этот ранний пласт творчества Шишкова в качестве источника для изучения «языка самоописания империи». Он, по ее мнению, фиксировал как традиционные представления, народные религиозные воззрения, так и идеи Нового времени, несмотря на ярко выраженное стремление представлять «старое время», в отличие от «нового времени», нагруженным исключительно положительными коннотациями. Во втором параграфе, «Эсхатологическая метафора как средство концептуализации консервативных идей дворянина на рубеже XVIII–XIX вв.»

(С. 88–98), автором выделено несколько групп метафор, которые определили, по ее мнению, специфику языка утопии Шишкова. Метафоры катастрофы, трактуемые им в качестве следствия противостояния «духа времени» и «народного духа», рассматриваются исследователем как мобилизующие, долженствовавшие оказывать воздействие путем создания образа врага, неких угроз. Кроме того, Татьяна Владимировна рассматривает растительные метафоры как одно из важнейших средств, использовавшихся Шишковым с целью уподобления языка дереву, привлечению внимания к корням и т. д. Выделенные автором органицистские метафоры призваны были внушать идею гармоничного единого государственного, политического «тела». Исследователь здесь подчеркивает, что проблемное пространство консервативной утопии, ее пространственные координаты, обнаруживавшиеся при противопоставлении православной России и революционной Франции, определялись, прежде всего, языковыми средствами. В третьем параграфе, «Модель истории в консервативной утопии А.С.Шишкова» (С. 98–108), рассматриваются представления Шишкова об истории как хранилище поучительных сюжетов, как пространстве, где определяющим фактором изменений является Божий промысел. Автор показывает, что для Шишкова история - только повествование, в ней нет места для «произвольных умствований», она призвана утверждать «бытийное-аксиологическое-провиденциальное» единство сословий на основе языка как воплощения народного духа. К сожалению, представленный обзор исторических воззрений Шишкова не привел к формулированию исследователем проблемы реакционности данного элемента изучаемой ею утопии. Четвертый параграф, «Язык, шрифт и политика: инструменты консервативной идеологии» (С. 108–117), посвящен идеям Шишкова об особой роли языка, шрифта, священных текстов, конфессионального воспитания в деле преодоления разнородности имперской культуры России, о значимости превращения их в каналы трансляции ценностей православной культуры. Православный вариант государственной идеологии и системы образования, по Шишкову, должно было наделить, как подчеркивает автор, системообразующими качествами для организации

имперского универсума, для объединения славянства под эгидой России на основе их языковой общности.

Третья глава диссертации, «Модели самопрезентации А.С. Шишкова как реализация консервативной утопии», посвящена опытам Шишкова по воплощению в жизнь своих теоретических конструкций. В первом параграфе, вводном с точки зрения ставящейся в главе проблемы (С. 121–126), исследователь дает характеристику ситуации в дворянском обществе, описывая поведенческие модели дворянина рубежа XVIII – XIX вв., предопределяемые, по ее мнению, как конфессиональным опытом, так и вестернизированной культурой. Российская элита, полагает автор, оказывалась перед сложным выбором, поскольку «русскость» определялась в тот период преимущественно по конфессиональному признаку. Интересные, без сомнения, факты выбора, сделанного отдельными представителями элиты (П.А. Кикиным, С.Т. Аксаковым, С.А. Ширинским-Шихматовым) вольно или невольно представлены как наиболее характерные, поскольку проблема их репрезентативности не поднималась. В следующем параграфе в качестве политической стратегии А.С. Шишкова исследователем рассматривается модель поведения «старец» (С. 126–141). Предлагаемый анализ особенно интересен в связи с привлечением этнографических материалов, на основе которых специалистами были выделены маркеры старчества, характерные для православной культуры. Татьяна Владимировна интересно увязала специфику политического поведения своего героя с явлением старчества. В то же время, сложно согласиться с отдельными выводами автора, в частности, с предположением о преднамеренном завышении Шишковым своего возраста в разговоре с Александром I ради соответствия образу старца. Последний параграф главы (и диссертации) посвящен писательской стратегии «летописец» и ее роли в консервативной утопии А.С. Шишкова (С. 142–152). Наряду с моделью старца, стратегия летописца рассматривается автором в качестве элемента организационной части консервативной утопии, призванной преодолеть раскол между мировоззрением европеизированного интеллектуала и крестьянского мира. Этот вывод позволил Татьяне

Владимировне представить утопию Шишкова как сложное единство идеологических постулатов и общественно-политической практики, опыты реализации которой предпринимались им и как частным лицом, и как чиновником высокого ранга. Стратегия «летописец», основанная на реанимации традиции, ушедшей в прошлое, опять-таки предполагала постановку вопроса об элементах реакционности в утопии Шишкова; его обсуждение, думается, не лишило бы исследование ни актуальности, ни новизны.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования. Несмотря на некоторую противоречивость трактовки понятия «консервативная утопия» (с включением организационно-поведенческого элемента или без него), несмотря на отказ рассматривать иные варианты оценочного суждения об утопии Шишкова, помимо консервативного, выводы, к которым приходит автор диссертации, представляются обоснованными, соответствующими целям и задачам работы. Достоверность основных положений и выводов диссертации не вызывает сомнений, так как они базируются на тщательном анализе разнопланового корпуса источников, элементы которого вводятся в ткань работы в соответствии с логикой избранной автором, тщательно выстроенной исследовательской модели.

Основные положения диссертационного исследования были опубликованы в рецензируемых изданиях, доступны для ознакомления всем, кто интересуется данной проблемой. Текст автореферата отражает содержание и выводы диссертации.

Высказанные замечания касаются проблем преимущественно дискуссионного характера и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования. Комплексный подход к проблеме, выразившийся, прежде всего, в анализе не только идеологических, но и поведенческих стратегий, предлагавшихся и реализовывавшихся А.С. Шишковым, позволил Татьяне Владимировне представить оригинальную работу, дающую новое знание по рассматриваемым ею проблемам.

Диссертация Полежаевой Татьяны Владимировны «Религиозные основания консервативной утопии А.С. Шишкова» соответствует п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент –

доцент кафедры философии и социальных наук
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Томский государственный педагогический
университет»

(почтовый адрес: 634061 г. Томск, ул. Киевская, 60;

тел: (3822) 311-464; e-mail: rector@tspu.edu.ru; www.tspu.edu.ru),

кандидат исторических наук (07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования)

Рудковская Ирина Евгеньевна

10.04.2017

Подпись И.Е. Рудковской заверяю

Ученый секретарь Ученого совета ТГУ

Н.И. Медюха